

УДК 347.440.5

UDC 347.440.5

РЕГУЛЯТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛУЧАЯ В АЛЕАТОРНЫХ ДОГОВОРАХ**REGULATION VALUE IN THE CASE OF ALEATORY CONTRACTS**

Султонова Тахмина Истамовна,
кандидат юридических наук, доцент
*Российско-Таджикский (славянский) университет,,
Душанбе, Республика Таджикистан*

Sultonova Tahmina Istamovna
Candidate of legal sciences, associate professor
*Russian-Tajik (Slavonic) University,
Dushanbe, Republic of Tajikistan*

В статье определяется место случая в алеаторных договорах. Обосновывается вывод, что случай в алеаторных конструкциях выполняет регулятивную роль во взаимоотношениях сторон. Регулятивные функции случая в алеаторных договорах проявляются в том, что правовые последствия сделки и её экономический результат определяются случайным событием, которое призвано разрешить исход сделки

In this article we define the place of the case in aleatory contracts. The conclusion is that the case in aleatory constructions plays a regulative role in the relationship of the parties. Regulatory functions in the case of aleatory contracts are manifested in the fact that the legal consequences of the transaction and its economic results determined random event, which is designed to allow the outcome of the transaction

Ключевые слова: СЛУЧАЙ, АЛЕАТОРНЫЕ ДОГОВОРЫ, ВОЛЯ, ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ, АЗАРТНЫЕ ИГРЫ, СТРАХОВАНИЕ ПОЖИЗНЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ С ИЖДИВЕНИЕМ

Keywords: CASE, ALEATORY CONTRACTS, WILL, WILL, GAMBLING, INSURANCE LIFELONG MAINTENANCE OF A DEPENDENT

Основное назначение договора сводится к тому, что он выступает средством реализации интересов его участников. Достижение этой конечной цели предопределяется исполнением договора, ход которого моделируется сторонами посредством согласования активных действий каждой из сторон. Другими словами, осознанная потребность, выступающая как интерес, является той незримой основой, которая определяет весь ход, характер, вид, время и место поведения субъектов договорных отношений [7; 195]. При этом, как правило, взаимоотношения участников договорных отношений складываются таким образом, что каждая из сторон в момент заключения договора имеет достаточно чёткие представления о структуре будущих отношений. Стороны, направляя свою волю на установление правоотношения, по своему усмотрению конструируют модель обязательства, конкретизируя характер и объём своих прав и обязанностей. Именно в этом обнаруживаются регулятивные функции договора, на которые обращали внимание многие исследователи

договорного права [3; 155]. К примеру, в классическом договоре купли-продажи продавец обязуется передать в собственность покупателю определённую вещь, а покупатель – уплатить за эту вещь обусловленную цену. Здесь воля сторон направлена на возникновение конкретно обозначенных правовых последствий. Стороны в момент заключения договора точно информированы о характере и объёме прав и обязанностей, связывающих их между собой. Каждая из сторон в момент выражение воли знает, какие обязанности её контрагента позволяют признавать себя управомоченным лицом, и какие права требования того же контрагента указывают на своё положение как должника.

Такое построение договорных отношений является типичным и естественным для большинства известных в гражданском обороте договорных конструкций. Но наряду с подобной привычной структурой договорных взаимоотношений гражданскому праву известен также иной тип регулирования прав и обязанностей участников договорных обязательств, характеризующийся неопределённостью правовых последствий сделки. Возьмём, к примеру, договор азартной игры, суть которого сводится к тому, что «в зависимости от наступления или ненаступления предусмотренного обстоятельства выигрывает одна сторона и проигрывает другая; все дело в том, какая из сторон окажется в той или иной позиции» [4].

Как видим, здесь в момент согласования воль правовые последствия договора не ясны и остаются незримыми до наступления обусловленного события, которое призвано внести ясность относительно того, какая из сторон окажется обязанной к согласованному предоставлению, а какая будет управомоченным лицом. Исполнительное по договору действие, конечный результат для обеих сторон и материальная ценность договора «поставлены в зависимость от события совершенно неизвестного или случайного, или только вероятного, так что при заключении его

совершенно неизвестно, которая сторона в конечном результате выиграет, получит большую выгоду» [9].

Равным образом договор страхования смоделирован таким образом, что с момента заключения договора возникает неопределённость относительно конечного правового результата для каждой из его сторон. Эта неопределённость является «необходимым существенным элементом всякой страховой сделки, отсутствие или отпадение которого влечет невозможность существования страховой сделки как таковой» [12; 94].

Такие договорные конструкции в науке гражданского права получили название алеаторных договоров. И помимо азартных игр и страхования к их числу относятся целый ряд других договоров. В дореволюционный период к ним причислялись «покупка на счастье» (купля-продажа вещи, ценность которой не может быть заранее определена либо периодически изменяется), продажа будущего урожая, открывшегося наследства или процесса, рента, бодмерейные займы, срочные сделки о поставке биржевых товаров и биржевых бумаг [17; 480]. Но как писал Г.Ф. Шершеневич, «бытовые условия необыкновенно благоприятствуют развитию новых видов договоров из комбинирования различных юридических элементов» [16; 308]. И сегодня характеристиками алеаторных договоров обладают ещё и внесение имущества в уставный капитал хозяйственного общества, договор суррогатного материнства, цессия виндикационного притязания.

В первую очередь, на что обращается внимание в таких договорных конструкциях, так это то, как проявляет себя в них воля сторон. Как известно, воля определяется как «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании достижения поставленной цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применении усилий их осуществления» [8; 93]. В этом смысле воля в договорных отношениях есть единый комплексный процесс

психического регулирования поведения их участников, предполагающий сознательный выбор варианта конкретного поведения, начиная от заключения договора и заканчивая всех активных действий, совершаемых для достижения определённого экономического результата, в том числе исполнительных действий каждой из сторон.

В алеаторных договорах описанный волевой процесс имеет свои характерные особенности. Его специфика и необычность здесь состоит в том, что он предполагает сознательное подчинение сторон своих действий не собственно принятому решению относительно конечных результатов сделки, а решению, которое «принял» за них случай. Правовые последствия сделки и её экономический результат определяются не актом проявления воли сторон в момент заключения договора, как это характерно иным договорам, а случайным событием, которое призвано разрешить исход сделки. Случайное событие, таким образом, порождает или способствует изменению имеющихся правоотношений [6; 74].

Если в иных договорах исполнение договора, по своей сути, символизирует осуществление «решение воли» [8; 66], то в алеаторных договорах процесс исполнения договора – это осуществление «решения случая», потому как не стороны своей волей определяют, кто из них окажется обязанным к согласованному предоставлению, а кто будет управомоченным лицом, а случай призван внести ясность в решение этого вопроса. Другими словами, в алеаторных договорах случай призван выполнять воздействующую роль на развитие взаимоотношений сторон.

А раз основное назначение случая в алеаторных договорах состоит в том, чтобы «проливать свет» на ход развития взаимоотношений участников, то его можно назвать регулятивной категорией в названных договорах наряду с волей участников. Здесь возникновение правоотношений происходит велемением воли участников, а дальнейшая их реализация и последующий исход находится под властью случая,

осознанно принятой сторонами сделки. Причём регулятивными функциями случай наделяют сами стороны своей волей, по своему произволу.

Высказываясь за понимание случая в алеаторных договорах как регулятивной категории, мы больше того хотим сказать, что регулирующая функция случая здесь выступает настолько выразительно, что становится основной качественной характеристикой алеаторных конструкций, позволяющей отличать их от иных моделей договоров. Без регулятивного предназначения случая в алеаторных договорах взаимоотношения сторон представляли бы собой юридическую бессмыслицу или попросту фикцию, не имеющую для них никакого экономического значения. Поэтому для того, чтобы алеаторный договор имел юридическую силу важно сохранять регулятивные свойства случая.

В свою очередь регулятивные свойства случая зависят от характера его происхождения. Только, если его наступление вызвано естественным для него, как объективного явления, путём, то есть независимо от чьей-либо воли, можно говорить о случае как регулирующей категории. Если же причина наступления случая связана с воздействием на него каких-либо посторонних сознательных сил, это будет указывать на наличие порока случая и как следствие невозможность выполнения им своих регулирующих функций. Утрата же случаем своих регулирующих свойств приведёт к признанию алеаторной сделки недействительной.

Взять, к примеру, договор страхования. Как пишет Ю.Б. Фогельсон, «важнейшим условием предоставления страховой защиты является вероятностный, случайный характер события, на случай наступления которого производится страхование. Договор, в котором это условие не соблюдено, ничтожен»[14; 50]. Под случайным же характером события, предусмотренного договором страхования, понимается независимость наступления этого события от воли страхователя [11; 337]. «Всякое

проявление человеческой воли в этом вопросе превращает страхование в несправедливое обогащение за счет другого лица»[5]. Поэтому если наступление страхового случая не обусловлено признаком случайности, а явилось следствием умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, страховщик освобождается от исполнения обязанности выплатить страховое возмещение (ст. 1049 Гражданского кодекса РФ). Воздействие участников договора на наступление или ненаступление случая недозволенным способом с целью добиться нужных конечных правовых и экономических результатов сделки будет указывать на порок случая, и являться, тем самым, нарушением закона.

Подчеркивая определяющее значение для действительности договора страхования вопроса о том, как и при каких условиях произошел страховой случай, законодатель в ч.2 ст. 1043 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что страхование, обусловленное договором, распространяется на страховые случаи, происшедшие после вступления договора страхования в силу. Если передать смысл этой нормы другими словами, то её положения указывают на ничтожность договора страхования, если событие, предусмотренное в нём в качестве страхового случая, уже наступило или стало невозможным ещё до заключения договора (ст. 12 Закона РФ «О страховой деятельности»).

Аналогичным образом из формулировок законодательных положений, регулирующих взаимоотношения сторон в иных алеаторных договорах, наблюдается зависимость юридической силы договора от характера происхождения случая. В частности, и в договоре азартной игры (ст. 1078 Гражданского кодекса РФ), и в договоре пожизненного содержания с иждивением (ст.ст. 614, 622 Гражданского кодекса) при решении вопроса об их действительности существенное значение имеет тот факт, чтобы при заключении договора стороны находились в добросовестном неведении

относительно наступления события, на случай которого заключается договор.

В этих нормах заложен тот смысл, что коль возникновение случая происходит не естественным для него путём, то следует говорить о порочности наступления случая, а значит о недействительности сделки.

Таким образом, мы видим, что всё предназначение случая в алеаторных договорах сводится к его регулятивной роли, сохранение которой зависит от того, как и при каких условиях произошел случай, ибо если его наступлению способствовали всякие проявления субъективных факторов, вопрос о регулятивной миссии случая отпадает сам по себе, а договорные взаимоотношения сторон теряют свой истинный смысл.

Регулятивная роль случая в алеаторных договорах состоит в том, чтобы в конечном итоге решать судьбу участников отношений посредством распределения между ними экономических и правовых последствий сделки. Последствия же эти, как две стороны одной медали, имеют взаимоисключающее значение для каждой из сторон договора. Один и тот же экономический результат сделки является выигрышем для одного участника отношений и, соответственно, проигрышем для другого участника. И именно случай решает, кто из участников окажется победителем, а кто побежденным, равно как, какая из сторон сделки будет управомоченным лицом, а какая должником. Такое распределение экономических и правовых последствий договора происходит подобно тому, как наступает сам случай – слепо, стихийно, бессознательно. Но не нужно путать это с неупорядоченностью и неурегулированностью отношений.

Применительно к алеаторным правоотношениям распределение конечных результатов сделки основывается на принципе, сформулированным ещё римским правом, «*casus sentit dominus*» («случай остается на том, кого он поражает»). Смысл данного постулата сводится к

тому, что последствия сделки сохраняются на той стороне договорных отношений, которую поражает случай. Но если разобраться, случайный результат сделки ощущают на себе обе стороны правоотношений. Каждая различно другой, но всё равно обе стороны сделки. Если одна сторона титулуется случаем в качестве победителя (управомоченного лица), то другая сторона в силу своего диаметрально противоположного статуса будет иметь статус проигравшей (обязанной) стороны в сделке. Алеаторные конструкции смоделированы именно таким образом, что если один из участников выигрывает, то другой расплачивается за выигрыш своего контрагента. Поэтому можно сказать, что случай в алеаторных правоотношениях поражает всех его участников. Другое дело, что для каждого участника случай имеет своё собственное лицо, в том смысле, что последствия случайного события ощущаются по-своему каждым из них. К кому-то случай поворачивается благосклонной стороной, а значит, награждает своим поражением. Но обращение благосклонной стороной к одному из участников сделки, в то же время, означает оборачивание к другому участнику недоброжелательной стороной. И здесь можно сказать, что случай, карает второго участника своим поражением, если такое слово употребительно к обязанному лицу по алеаторной сделке.

В рассуждении этого, применение вышеназванного древнеримского постулата «*casus sentit dominus*» к алеаторным правоотношениям требует некоторых дополнений, которые можно свести к следующему. Случай в силу своей двуликости поражает всех участников алеаторной сделки. Но характер такого поражения зависит от того, каким из двух своих обличий обращён случай к каждому из участвующих в сделке лиц. В этот и заключается регулятивная роль случая в алеаторных моделях договорных отношений.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что регулятивное назначение случая в алеаторных договорах может быть двойким. В одних

алеаторных договорах взаимоотношения сторон смоделированы таким образом, что случай в них призван играть роль арбитра в игре сторон с колесом фортуны. Так, в азартных играх участники, желая испытать судьбу, искусственным образом вносят в жизнь элемент случайности, по своей воле ставя себя в зависимость от непредсказуемого будущего события.

В иных алеаторных договорах стороны, вступая во взаимоотношения друг с другом, руководствуются не желанием испытать судьбу, а, напротив, защититься от судьбы, слагая с себя бремя возможных неблагоприятных имущественных последствий будущего непредсказуемого события. Взять, к примеру, договор страхования. Случай здесь является тем фактором, который заставляет одного участника войти в расходы своего контрагента, тем самым, заставляя его производительно использовать полученные взносы или иное имущество с целью создания источника для покрытия этих расходов[2; 15]. Регулирующая роль случая здесь сводится к тому, что он является тем детерминантом, который определяет качество предоставлений, к которым оказываются должными стороны в силу своего соглашения.

Равным образом, в договоре пожизненного содержания с иждивением случая, выражающийся в моменте смерти отчуждателя, будучи регулирующим фактором, призван определить объём встречных представлений каждой из сторон сделки. Или в биржевых сделках колебание индексов, цен на рынке, выполняющее роль случайного элемента, призвано определить размер доходов (убытков) участников таких сделок.

Таким образом, определяя место случая в алеаторных договорах, мы пришли к выводу, что он выполняет регулятивную роль во взаимоотношениях их сторон. Регулятивные функции случая в алеаторных договорах проявляются в том, что правовые последствия сделки и её

экономический результат определяются случайным событием, которое призвано разрешить исход сделки.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Белов В.А. Игры и пари как институты гражданского права // Законодательство. - 1999. - №9. – С. 13-21.
3. Братусь С.Н., Лунц Л.А. Вопросы хозяйственного договора. - М.: Юриздат, 1954. – 155 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (часть вторая) / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. [Электронный ресурс]. - М.: МЦФЭР, 1996. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Крюков В.П. Очерки по страховому праву. Систематическое изложение и критика юридических норм страхового дела. [Электронный ресурс]. – Саратов: Книгоиздательство В.З. Яксанова, 1925. Доступ из справ-правовой системы «Гарант».
6. Менглиев Ш.М. Восстановительные правоотношения в советском гражданском праве. – Душанбе: ТГУ, 1986. – 117 с.
7. Менглиев Ш.М. Имущественные права как объект права и правоотношения // Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика. / Под ред. А.Г. Диденко. Алматы: Юрист, 2004. Вып. 20. – С. 190-205.
8. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. (Очерки теории, философии и психологии права). - Душанбе: «Дониш», 1983. - 256 с.
9. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. [Электронный ресурс]. - СПб.: Синодальная типография, 1896. Доступ из справ-правовой системы «Гарант».
10. Рахимов М.З. Конечный результат предпринимательской деятельности: теория и правовое регулирование. – Душанбе: «Деваштич», 2007. – 228 с.
11. Серебровский В.И. Очерки советского страхового права. - С. 337 - 340.
12. Страхование от А до Я / Под ред. Л. И. Корчевской, К. Е. Турбиной. - М.: ИНФРА-М, 1996.- 624 с/
13. Суханов Е.А. К понятию социалистического гражданско-правового договора // Вестник МГУ. Серия "Право". 1983. N 4. – С. 25-32.
14. Фогельсон Ю.Б. Комментарий к страховому законодательству (постатейный). - М.: «Юристъ», 2002. – 284 с.
15. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 238 с.
16. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1911. - 526 с.
17. Яновский А. Рисковые сделки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.26-А. - СПб., 1899. - 480 с.

References

1. Alekseev S.S. Mehanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Jurid. lit., 1966. – 187 s.

2. Belov V.A. Igry i pari kak instituty grazhdanskogo prava // *Zakonodatel'stvo*. - 1999. - №9. – S. 13-21.
3. Bratus' S.N., Lunc L.A. *Voprosy hozjajstvennogo dogovora*. - M.: Jurizdat, 1954. – 155 s.
4. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu RF (chast' vtoraja)* / Pod red. O.M. Kozyr', A.L. Makovskogo, S.A. Hohlova. [Jelektronnyj resurs]. - M.: MCFJeR, 1996. Dostup iz sprav-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
5. Krjukov V.P. *Očerki po strahovomu pravu. Sistematičeskoe izloženie i kritika juridičeskikh norm strahovogo dela*. [Jelektronnyj resurs]. – Saratov: Knigoizdatel'stvo V.Z. Jaksanova, 1925. Dostup iz sprav-pravovoj sistemy «Garant».
6. Mengliev Sh.M. *Vosstanovitel'nye pravootnoshenija v sovetskom grazhdanskom prave*. – Dushanbe: TGU, 1986. – 117 s.
7. Mengliev Sh.M. *Imushhestvennye prava kak ob#ekt prava i pravootnoshenija // Grazhdanskoe zakonodatel'stvo: Stat'i. Kommentarii. Praktika*. / Pod red. A.G. Didenko. Almaty: Jurist, 2004. Vyp. 20. – S. 190-205.
8. Ojgenziht V.A. *Volja i voleiz#javlenie. (Očerki teorii, filosofii i psihologii prava)*. - Dushanbe: «Donish», 1983. - 256 s.
9. Pobedonoscev K.P. *Kurs grazhdanskogo prava*. [Jelektronnyj resurs]. - SPb.: Sinodal'naja tipografija, 1896. Dostup iz sprav-pravovoj sistemy «Garant».
10. Rahimov M.Z. *Konečnyj rezul'tat predprinimatel'skoj dejatel'nosti: teorija i pravovoe regulirovanie*. – Dushanbe: «Devashtich», 2007. – 228 s.
11. Serebrovskij V.I. *Očerki sovetskogo strahovogo prava*. - S. 337 - 340.
12. *Strahovanie ot A do Ja* / Pod red. L. I. Korčevskoj, K. E. Turbinov. - M.: INFRA-M, 1996.- 624 s/
13. Suhanov E.A. *K ponjatiju socialističeskogo grazhdansko-pravovogo dogovora // Vestnik MGU. Serija "Pravo"*. 1983. N 4. – S. 25-32.
14. Fogel'son Ju.B. *Kommentarij k strahovomu zakonodatel'stvu (postatejnyj)*. - M.: «Jurist#», 2002. – 284 s.
15. Halfina R.O. *Znachenie i sushhnost' dogovora v sovetskom socialističeskom grazhdanskom prave*. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 238 s.
16. Shershenevich G.F. *Učebnik russkogo grazhdanskogo prava*. - M.: Izd-vo Br. Bashmakovyh, 1911. - 526 s.
17. Janovskij A. *Riskovye sdelki // Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona*. T.26-A. - SPb., 1899. - 480 s.